

Е. Б. Подузова*

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ

Аннотация. В статье на основе актуального гражданского законодательства и правоприменительной практики об ответственности и ее мерах, выявлены проблемы определения и толкования организационной ответственности, предложены собственные подходы к их решению. Автор систематизируются и анализируются различные концепции организационных санкций, организационных способов защиты гражданских прав, а также преддоговорной ответственности. Обращается особое внимание на те концепции, которые имеют существенное значение для правоприменительной практики. Выделяются конститутивные признаки организационной ответственности, организующего договора и организационного обязательства. На базе указанных признаков предлагается собственный подход к квалификации и применению организационных санкций. Определяется место такого способа защиты гражданских прав, как возмещение потерь в свете выявления организационных и имущественных санкций. Исследуется правовая природа организационной и преддоговорной ответственности. Представлен авторский подход к определению правовой природы каждой из данных видов гражданско-правовой ответственности. Обращается внимание на нетождественность понятий «организационная ответственность» и «преддоговорная ответственность». В то же время выделяются общие признаки данных категорий. Рассматриваются проблемы применения организационных санкций (понууждения к совершению организационного действия, возмещения убытков, взыскания неустойки) в свете реформы гражданского законодательства. Акцентируется внимание на проблемах выявления и доказывания оснований применения мер организационной ответственности. Исследуются проблемы возмещения убытков в рамках преддоговорной и организационной ответственности. Обращается внимание на практические трудности доказывания размера реального ущерба и упущенной выгоды за неисполнение организующего договора и нарушение организационного обязательства.

Ключевые слова: организационная ответственность, организационное действие, право, содержание правоотношения, санкция, мера ответственности, возмещение потерь, преддоговорная ответственность, понуждение к исполнению, возмещение убытков.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.126.5.163-173

© Подузова Е. Б., 2017

* Подузова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ekaterinacivil@gmail.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

В свете продолжающейся дискуссии об организационных договорах¹ и организационных обязательствах² представляются актуальными проблемы определения и толкования организационной ответственности³.

В отсутствие определения понятия данной ответственности возможно выделить следующие проблемы, связанные с данной категорией: выявление конститутивных признаков организационной ответственности, определение правовой природы организационной ответственности.

Представляется, что в качестве конститутивных признаков организационной ответственности выступают основание ее применения (нарушение организационного обязательства, возникшего из организующего договора) и меры ответственности (санкции)⁴, применимые при нарушении организующего договора.

Основание применения организационной ответственности — нарушение организационных прав. Организационным является право на совершение действия по организации договорных связей или по организации совместной деятельности (организационное действие). Исходя из классического подхода к делению правоотношений на относительные и абсолютные⁵, полагаем, что право совершения органи-

зационного действия может возникнуть и быть реализованным только в рамках относительного правоотношения, поскольку для организации договорных связей или организации совместной деятельности необходимо наличие как минимум двух определенных субъектов гражданского права. Организационное право относится к содержанию организационного обязательства, порождаемого организующим договором.

Несмотря на отсутствие в организующем договоре⁶ встречного предоставления, исходя из правил ст. 423 ГК РФ⁷, в совершении организационных действий заинтересована каждая из его сторон. Организация договорных связей и организация совместной деятельности порождает для сторон последствия материального характера: заключение имущественного договора, функционирование созданного юридического лица, получение прибыли от совместной деятельности в рамках договора простого товарищества, получение дивидендов в результате реализации решения, принятого во исполнение корпоративного договора.

Определение обязательства, данное в п. 1 ст. 307 ГК РФ, по-прежнему не содержит закрытого перечня действий, которые обязан совершить должник⁸, поэтому наряду с действиями имущественного характера, должник может

¹ По критерию содержания все гражданско-правовые договоры делят на товарные (имущественные) и организационные (см.: *Клейн Н. И.* Организация договорно-хозяйственных связей. М., 1976. С. 73 ; *O'Sullivan J., Hilliard J.* The Law of Contract. N. Y., 2008 ; *McKendrick E.* Contract law. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013 ; *Chandler A., Brown I.* Law of Contract. Questions and Answers. Hampshire, 2013).

² См.: *Александрова С. Н.* Предварительный договор аренды будущей недвижимости как организационное обязательство // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2011. № 5. С. 58—62.

³ *Слесарев В. Л.* Экономические санкции в советском праве : авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1990. С. 11 ; *Мягких А. И.* Договорные санкции в гражданском праве // *Гражданское право.* 2009. № 1. СПС «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства» ; *Кархалев Д. Н.* Способы защиты организационных гражданских прав // *Юридический мир.* 2016. № 1. С. 55—58 ; *Шандурский Д. И.* Организационный групповой иск в России // *Вестник гражданского процесса.* 2016. № 2. С. 252—271.

⁴ В литературе была выделена категория «организационные санкции», которые создают для правонарушителя негативные организационные условия — условия, пресекающие деятельность правонарушителя, прекращающие или изменяющие правоотношения, реализация которых нарушает права и законные интересы кредитора (потерпевшего) (*Слесарев В. Л.* Указ. соч. С. 11 ; *Мягких А. И.* Указ. соч.).

⁵ См. об этом, например: *Яковлев В. Ф.* Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства».

⁶ См.: *Подузова Е. Б.* Особенности возмещения убытков за нарушение организующего договора в свете англосаксонской концепции встречного предоставления // *Гражданское право.* 2015. № 3. С. 15—18.

⁷ См. об этом также: *Подузова Е. Б.* Концепция встречного предоставления в англосаксонской правовой семье: правила и исключения // *Актуальные проблемы российского права.* 2016. № 5. С. 183—190.

⁸ Данная трактовка п. 1 ст. 307 ГК РФ подтверждается судебной практикой (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах и их исполнении», п. 1) // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика»).

взять на себя обязанность совершить и неимущественные действия. Согласно п. 3 ст. 307.1 ГК РФ общие положения об обязательствах применяются к требованиям, возникшим из корпоративных отношений. В группу корпоративных включаются, в частности, те отношения, которые возникли из корпоративного договора, имеющего организующую природу. Существо обязательства, его природа предопределяются его содержанием, основывающемся на содержании договора (условиях, правах и обязанностях сторон), породившего обязательство, а не последствиями неисполнения обязательств. Поэтому возможность применения имущественных санкций за неисполнение организационного обязательства не влияет на его неимущественную природу.

Санкции за нарушение организующего договора именуются в юридической литературе организационными санкциями.

Важное значение для дифференциации правовых санкций имеет их предмет — круг тех интересов и соответствующих им общественных отношений, которые испытывают принудительно-неблагоприятное действие санкций. В зависимости от предмета различают санкции имущественные и организационные⁹.

Договорные санкции, которые обладают неимущественным содержанием, характеризуются косвенной связью с отрицательными имущественными последствиями для правонарушителя, предлагают выделять в отдельную группу, именуемую «организационные санкции». Организационные санкции создают для правонарушителя негативные организационные условия — условия, пресекающие деятельность правонарушителя, прекращающие или изменяющие правоотношения, реализация которых нарушает права и законные интересы кредитора (потерпевшего)¹⁰.

В смысловом контексте, предложенном автором, организационные санкции не зависят от оснований их применения, поскольку негативные условия для правонарушителя создаются при нарушении не только организационных, но и имущественных прав. Кроме того, негативные условия для правонарушителя создаются по-

средством применения к нему имущественных санкций (возмещения убытков, взыскания неустойки). Поскольку применение данных санкций возможно и в случае ненадлежащего исполнения обязательства, возмещение убытков и взыскание неустойки, помимо имущественной защиты кредитора, выполняют функцию пресечения действий правонарушителя. В связи с вышеизложенным представляется, что для выделения категории «организационная санкция» целесообразно использовать иной критерий — критерий основания применения санкций (нарушение организационных прав).

В пункте 4 ст. 445 ГК РФ указывается: «Если сторона, для которой в соответствии с настоящим Кодексом или иными законами *заключение договора обязательно* (курсив наш. — Е. П.), уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. Сторона, необоснованно уклоняющаяся от заключения договора, должна возместить другой стороне причиненные этим убытки». Обязательным является заключение основного договора для сторон предварительного договора (ст. 429), а также для сторон рамочного договора (ст. 429.1 ГК РФ), если последний сконструирован по организационной модели.

Для иных видов организующих договоров применима санкция как понуждение к совершению организационного действия, поскольку в ст. 12 ГК РФ признается допустимым такой способ защиты гражданских прав, как присуждение к исполнению обязанности в натуре. По сути своей понуждение заключить договор является разновидностью понуждения к совершению организационного действия.

Следует отметить, что конституционность норм п. 5 ст. 429 и п. 4 ст. 445 ГК РФ оспаривалась в Конституционном Суде РФ. Согласно позиции Конституционного Суда положения п. 5 ст. 429 и п. 4 ст. 445 ГК РФ направлены на защиту стороны по предварительному договору в условиях государственного регулирования рыночных отношений, поэтому сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы¹¹.

⁹ Слесарев В. Л. Указ. соч. С. 11; Мягких А. И. Указ. соч.

¹⁰ Слесарев В. Л. Указ. соч. С. 11; Мягких А. И. Указ. соч.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2008 г. № 278-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фесенко Светланы Георгиевны на нарушение ее конституционных прав п. 5 ст. 429 и п. 4 ст. 445 Гражданского кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

С нашей точки зрения, в случае неисполнения организующего договора возможно применить взыскание убытков, а также уплату неустойки, поскольку в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации не содержится запрета применения этих санкций за нарушение организующего договора. Данные виды санкций по критерию основания применения также можно отнести к числу организационных.

Как отмечается в литературе, отношения по защите организационных прав состоят в том, что право может реализовываться только в форме штрафных охранительных обязательств. Охранительное обязательство, возникшее при нарушении организационных прав, заключается в совершении действий по восстановлению права (возмещение убытков). Подлежащие возмещению убытки потерпевшего должны определяться с учетом положений статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, т.е. в размере негативного договорного интереса, предполагающем восстановление положения, существовавшего до нарушения права¹².

Таким образом, используя критерий основания применения санкции, к организационным санкциям возможно отнести последствия нарушения организационного обязательства: понуждение к совершению организационного действия, взыскание неустойки, возмещение убытков.

Реформа гражданского права внесла новые правила применения организационных санкций к некоторым случаям нарушения организующего договора, а также дополнила перечень способов защиты организационных прав новым видом — возмещением потерь. Так, в статье 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено, что стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные

с нарушением обязательства его стороной (потери, вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или органами государственной власти к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и т.п.). Соглашением сторон должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения.

Возмещение потерь возможно использовать как для организационного, так и для имущественного обязательственного правоотношения. Для организационного обязательства наличие права стороны на возмещение потерь, как представляется, является важной гарантией защиты, поскольку теперь сторона данного обязательства защищена от таких ситуаций, как утрата интереса другой стороны в существовании организационного обязательства, от иных случаев невозможности исполнения организационного обязательства.

Необходимо обратить внимание, что ст 12 ГК РФ не была дополнена новым способом защиты гражданских прав — возмещением потерь. В связи с этим возникает вопрос о правовой природе возмещения потерь, о возможности отнесения его к разновидности убытков (ст. 15 ГК РФ) и организационных санкций, а также относительно возможности выделения в рамках потерь реального ущерба и упущенной выгоды (ст. 15 ГК РФ).

Верховный Суд Российской Федерации ограничивает возмещение потерь от возмещения убытков, поскольку полагает, что основания применения данных способов защиты различны¹³.

По одному из арбитражных дел отмечается также, что размер возмещения потерь (ст 406.1. ГК РФ) составляет сумму, равную сумме процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ), которая в итоге будет присуждена в пользу ответчика в рамках рассмотрения дела¹⁴. Таким образом, суд квалифицирует потери в качестве иной меры ответственности — взыскания процентов за неисполнение денежного обязательства.

¹² Кархалев Д. Н. Указ. соч. С. 56—58.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 августа 2015 г. № Ф09-5885/15 по делу № А07-4379/2014 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

Такая квалификация, на наш взгляд, является спорной, поскольку по смыслу ст. 406.1 ГК РФ потери не связаны с нарушением обязательства его стороной¹⁵.

Правовая природа возмещения потерь иная, чем у такой меры ответственности, как возмещение убытков и взыскание процентов за неисполнение денежного обязательства (ст. 395 ГК РФ). Потери возмещаются по иному основанию — наступлению указанного в договоре обстоятельства, не связанного с нарушением обязательства. Размер возмещения потерь указывается в договоре. В связи с этим возмещение потерь не может быть отнесено к санкциям и, в частности, к организационным санкциям. По нашему мнению, возмещение потерь — новый способ защиты гражданских прав (включая организационные права), который должен быть предусмотрен в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Остается нерешенным вопрос о порядке исчисления потерь в рамках существования организационного обязательства, поскольку в данном случае стороне придется доказывать, что потери возникли именно в связи с наступлением определенных в организующем договоре обстоятельств в рамках существования неимущественного организационного обязательства¹⁶. Доказывание такой взаимосвязи во многих случаях является затруднительным по причине неимущественного характера самого организационного обязательства¹⁷.

Для исследования правовой природы организационной ответственности необходимо установить соотношение организационной ответственности и преддоговорной ответственности.

Проблемы, связанные с преддоговорной ответственностью, получили широкое освещение в современной цивилистике¹⁸. Преддоговорная ответственность большинством авторов рассматривается как ответственность за необоснованный отказ от заключения договора¹⁹, которая охватывает случаи взыскания убытков²⁰ за недобросовестное ведение переговоров²¹, понесенных как от юридических характеристик заключенного впоследствии договора, так и от самого факта его заключения²². При этом критерием правомерности (неправомерности) поведения субъекта на стадии переговоров должны служить принципы добросовестности (п. 3 ст. 10 ГК РФ) и генерального деликта (п. 1, 2 ст. 1064 ГК РФ — любое виновное причинение вреда предполагается противоправным)²³.

Согласно ст. 2.15 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 1994 г. (Принципов УНИДРУА)²⁴ и ст. 434.1 ГК РФ случаи наступления преддоговорной ответственности ограничиваются лишь недобросовестным ведением или прерыванием переговоров о заключении договора.

Отмечается, что преддоговорную ответственность следует определить как деликтную или квазиделиктную, поскольку до совершения

¹⁵ Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 31 августа 2015 № Ф09-5885/15 по делу № А07-4379/2014.

¹⁶ На необходимость доказывания причинной связи между наступлением обстоятельств и потерями стороны, возмещаемыми по ст. 406.1 ГК РФ, указывается в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7.

¹⁷ Подузова Е. Б. Возмещение потерь при неисполнении организационного обязательства: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 61—65.

¹⁸ Подузова Е. Б. Преддоговорная ответственность в современном гражданском праве: проблемы и противоречия // Проблемы взыскания убытков в российском правопорядке : сб. статей VI ежегодной международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю. С. Харитонов. М., 2016.

¹⁹ Садиков О. Н. Недействительные и несостоявшиеся сделки // Юридический мир. 2000. № 6. С. 9.

²⁰ Кияшко В. А. Правовые последствия признания договора незаключенным (сделки несостоявшейся) // Право и экономика. 2003. № 9. С. 83.

²¹ Овчинникова К. Д. Преддоговорная ответственность // Законодательство. 2004. № 3. С. 8—9.

²² Сергеев А., Терещенко Т. Преддоговорная ответственность: основания для защиты интересов стороны, пострадавшей от недобросовестного ведения переговоров // Корпоративный юрист. 2010. № 11. СПС «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства».

²³ Сергеев А., Терещенко Т. Указ. соч.

²⁴ Принципы Международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА) // Закон. 1995. № 12. С. 82—92.

договора его предполагаемые участники взаимными обязательствами не связаны²⁵. Другие юристы признают, что эта ответственность является квазидоговорной, так как формальным основанием института culpa in contrahendo являются нормы договорного права, а убытки, подлежащие возмещению стороне, связаны с ее расходами, понесенными при подготовке к заключению договора²⁶. Некоторые авторы считают, что, поскольку преддоговорная ответственность возникает в силу недобросовестного прерывания переговоров, каких-либо обязательственных отношений не возникает. Преддоговорная ответственность является ответственностью особого рода, занимающей промежуточное положение между договорной и деликтной ответственностью²⁷.

Высказано мнение, что в большинстве случаев преддоговорная ответственность будет представлять собой ответственность за нарушение особого преддоговорного обязательства, основанного на обязанности добросовестного ведения переговоров, либо будет представлять собой ответственность за нарушение обязательства заключить договор²⁸.

Понятие «преддоговорная ответственность» возможно рассматривать в узком и широком смыслах. В узком смысле преддоговорная ответственность представляет собой неблагоприятные последствия недобросовестного ведения переговоров о заключении договора, в широком смысле — неблагоприятные последствия действия или бездействия в рамках организации договорных связей, включая случаи раскрытия информации, имеющей конфиденциальный характер в ходе ведения переговоров, неисполнения организационных обязательств, а также уклонения от государственной регистрации договора.

Одним из видов преддоговорной ответственности является ответственность за неисполнение организационного договора,

которая представляет собой определенные неблагоприятные последствия имущественного (взыскание убытков, уплата неустойки) и неимущественного (понуждение к заключению основного договора, предусмотренное в п. 4 ст. 445 ГК РФ) характера за недобросовестное поведение стороны на преддоговорной стадии, причинившее вред другой стороне и развившееся в прерывании или недобросовестном ведении переговоров о заключении основного договора либо в необоснованном отказе от заключения основного договора.

Двойственность трактовки понятия «преддоговорная ответственность» предполагает смешанную правовую природу данного явления. Преддоговорная ответственность в узком смысле носит деликтный характер. Стороны не состоят в относительных обязательственных правоотношениях, недобросовестное ведение переговоров относится к числу гражданских правонарушений, поскольку противоречит нормативно закрепленному принципу добросовестности (ст. 10, п. 3 ст. 307, п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Преддоговорная ответственность в широком смысле обладает смешанной деликтно-договорной правовой природой. Преддоговорная ответственность за неисполнение организационного договора может быть квалифицирована в качестве договорной ответственности, поскольку стороны состоят в обязательственных отношениях, возникших из организационного договора²⁹.

Устанавливая соотношение понятий «преддоговорная ответственность» и «организационная ответственность», можно заключить, что данные понятия тождественными не являются. Общими для этих категорий являются случаи нарушения организационного договора и применения соответствующих организационных (преддоговорных) мер ответственности. Иные случаи нарушения организующего договора не могут быть отнесены к основаниям приме-

²⁵ Хвощинский А. В поисках договора о переговорах // Бизнес-адвокат. 2000. № 1. СПС «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства»; Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М., 2005. С. 221—222.

²⁶ Гнищевич К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве: culpa in contrahendo. С. 12.

²⁷ Бекленищева И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006. С. 167—169.

²⁸ Богданов Д. Е. Развитие института преддоговорной ответственности в гражданском праве России // Законодательство и экономика. 2011. № 4.

²⁹ Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М., 2016. С. 42—62 (автор главы — Е. Б. Подузова).

нения мер преддоговорной ответственности, поскольку данные случаи не связаны с нарушением обязанности совершить действие по организации договорных связей.

Положения ст. 434.1 ГК РФ, посвященные ответственности за недобросовестное ведение переговоров, также отражают ее двойственную правовую природу как разновидности преддоговорной ответственности, поскольку применимы как при нарушении организационного обязательства, так и при срыве переговоров в случае отсутствия первоначальных договорных отношений.

Кроме того, правила ст. 434.1 ГК РФ не исключают применения к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств, правил гл. 59 ГК РФ. Как поясняет Верховный Суд РФ, приводя определенные примеры, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный недобросовестным поведением его работника при проведении переговоров (ст. 1068 ГК РФ), в случае, когда вред при проведении переговоров причинен несколькими контрагентами совместно, они отвечают перед потерпевшим солидарно (ст. 1080 ГК РФ)³⁰.

По мнению Верховного Суда РФ, предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны. На истце лежит бремя доказывания недобросовестности ответчика, например, истцу придется доказать, что ответчик вступил в переговоры с истцом с целью получения коммерческой информации у истца либо воспрепятствования заключению договора между истцом и третьим лицом. При этом правило п. 2 ст. 1064 ГК РФ не применяется.

Вместе с тем Верховный Суд РФ подтверждает установленную в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ презумпцию недобросовестности лица, если имеются указанные в данном пункте обстоятельства. В этих случаях ответчик должен доказать добросовестность своих действий³¹.

В силу положений п. 3, 4 ст. 434.1 ГК РФ сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно,

обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки, под которыми признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. В п. 4 ст. 434.1 ГК РФ предусмотрен специальный вид основания привлечения к преддоговорной ответственности. Так, если в ходе переговоров о заключении договора сторона получает конфиденциальную информацию, она обязана не раскрывать эту информацию и не использовать ее ненадлежащим образом для своих целей независимо от того, будет ли заключен договор. При нарушении этой обязанности сторона должна возместить другой стороне убытки, причиненные в результате раскрытия конфиденциальной информации или использования ее для своих целей.

Как отмечается в юридической литературе, в рамках преддоговорной ответственности законодатель ограничивает убытки расходами, которые сторона потратила на ведение переговоров, и потерями, связанными с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Характер убытков законодатель описал в формате негативного интереса, т.е. возмещение убытков направлено на возвращение добросовестной стороны ведения переговоров о заключении договора в положение, в котором она находилась бы, если бы вовсе не вступила в переговоры³².

Формулировка п. 3, 4 ст. 434.1 ГК РФ порождает ряд практических проблем. В статье 15 ГК РФ убытки подразделяются на реальный ущерб и упущенную выгоду. Тогда в случае выявления договорной природы ответственности за недобросовестное ведение переговоров должны применяться правила п. 4 ст. 393 ГК РФ, согласно которым при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления. В пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» указано, что расчет упущенной выгоды может производиться на основе дан-

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7.

³¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7.

³² Демкина А. В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве // Гражданское право. 2016. № 1.

ных о прибыли истца за период времени до нарушения ответчиком обязательства и/или после того, как это нарушение было прекращено.

Есть некоторые сомнения в возможности практического применения данных разъяснений Верховного Суда РФ для преддоговорной ответственности, поскольку затруднительно доказать размер прибыли истца на преддоговорном этапе в отсутствие заключенного аналогичного договора. Потерю прибыли по причине незаключенности договора виновная сторона вправе квалифицировать в качестве предпринимательского риска (ст. 2 ГК РФ), такую квалификацию сложно будет оспорить потерпевшей стороне.

Кроме того, в п. 3 ст. 434.1 ГК РФ не раскрыта правовая природа расходов, понесенных другой стороной в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом, в связи с этим возникает вопрос о возможности квалификации данных расходов в качестве упущенной выгоды либо о соотношении этих расходов и упущенной выгоды для целей расчета размера понесенных убытков.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» при анализе п. 3 ст. 434.1 ГК РФ делается отсылка к положениям ст. 15 ГК РФ. Это дает основания считать возможной квалификацию расходов в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом в качестве упущенной выгоды. Утрата возможности заключить договор влечет для потерпевшей стороны неполучение определенных доходов, что характерно для упущенной выгоды. В то же время остается неясным механизм доказывания размера такой специальной упущенной выгоды, поскольку договор с третьим лицом не планировался к заключению в силу ведения переговоров с недобросовестной стороной. Неясен и порядок применения в данной ситуации нормативных правил п. 4 ст. 393 ГК РФ.

Также представляется неопределенным состав убытков, предусмотренных п. 4 ст. 434.1 ГК РФ. Исходя из анализа содержания нормы в комплексе с правилами ст. 15 ГК РФ, в убытки, связанные с раскрытием недобросовестной стороной конфиденциальной информации,

включаются как реальный ущерб, так и упущенная выгода, что, однако, не исключает проблемы применения правил п. 4 ст. 393 ГК РФ в случае раскрытия конфиденциальной информации при организации договорных связей.

Применение преддоговорной ответственности за неисполнение организационного договора сталкивается с дополнительными практическими трудностями. За уклонение от заключения основного договора в рамках переговорного процесса возможно применение одновременно двух правил — п. 3 ст. 434.1 и п. 4 ст. 445 ГК РФ. В обоих случаях правомерно требовать возмещения убытков за уклонение недобросовестной стороны от заключения основного договора. Проблема соотношения норм п. 3 ст. 434.1 и п. 4 ст. 445 ГК РФ на законодательном уровне пока не решена, сложившейся правоприменительной практики по данному дискуссионному вопросу пока не разработано³³.

Введение правил о преддоговорной ответственности (ст. 434.1 ГК РФ), безусловно, является значимым итогом реформы гражданского законодательства. Несмотря на положительный эффект данной новеллы, необходимо обратить внимание на ряд проблемных моментов. Так, потерпевшая сторона вправе требовать взыскания убытков с недобросовестной стороны в двойном размере, обосновывая свои требования положениями п. 3 ст. 434.1 и п. 4 ст. 445 ГК РФ, в этой ситуации возникает вопрос о защите прав недобросовестной стороны, уклоняющейся от заключения основного договора.

Исходя из принципа добросовестности (ст. 10, п. 3 ст. 307 ГК РФ), а также разъяснений Верховного Суда РФ, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», согласно которым в результате возмещения убытков, причиненных недобросовестным поведением при проведении переговоров, потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом, возмещение убытков по п. 4 ст. 445 ГК РФ должно производиться потерпевшей стороне

³³ Витрянский В. В. Реформа части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 70—83.

организационного договора с зачетом суммы возмещения убытков, подлежащих взысканию по п. 3 ст. 434.1 ГК РФ.

Также следует учитывать, что особенности правовой природы организующего договора и, соответственно, организационного обязательства определяют специфику применения мер ответственности. Традиционные меры ответственности (возмещение убытков, взыскание неустойки) могут быть использованы для возмещения потерь при неисполнении организационного обязательства, но в ограниченном объеме.

Для исследования проблемы применения определенных мер ответственности в случае неисполнения организующего договора и нарушения организационного обязательства необходимо учитывать их конститутивные признаки: отсутствие встречного предоставления, невзаимный характер неимущественных поведенческих обязанностей в содержании данного обязательства.

В актуальном гражданском законодательстве отсутствует порядок исчисления размера взыскиваемых убытков за неисполнение организационного обязательства. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» также не предусмотрен порядок исчисления размера взыскиваемых убытков за неисполнение указанного обязательства.

В силу правил п. 2 ст. 15 ГК РФ убытки подразделяются на реальный ущерб и упущенную выгоду.

При нарушении организационного обязательства нарушается содержащаяся в нем обязанность организации договорных связей или организации совместной деятельности, однако никаких расходов для восстановления нарушенного права добросовестной стороны не производится, затраты добросовестной стороны на поиск новых контрагентов не могут быть квалифицированы в качестве таких расходов, так как указанные действия относятся к осуществлению обычной хозяйственной деятельности и ведению договорной работы, и невозможно доказать, что поиск новых контрагентов и партнеров для ведения бизнеса связан именно с нарушением конкретного ор-

ганизационного обязательства. Организационное обязательство обладает неимущественной природой, в связи с этим уничтожения либо повреждения имущества при неисполнении организационного обязательства не происходит. Таким образом, у добросовестной стороны организационного обязательства в большинстве случаев нет возможности обосновать свое требование возмещения реального ущерба от другой стороны организационного обязательства.

Согласно п. 4 ст. 393 ГК РФ при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления.

Прибыль от исполнения организационного обязательства может быть получена его стороной лишь посредством исполнения имущественных обязательств, базирующихся на организационном, поэтому добросовестная сторона организационного обязательства лишена возможности приводить вышеуказанное обоснование размера упущенной выгоды.

Упущенную выгоду возможно взыскать лишь в том случае, если сторона докажет, что предпринятые меры и приготовления для ее получения были совершены в связи с существованием организационного обязательства.

Актуальная судебная практика не ограничивает добросовестную сторону в представлении любых доказательств возможности извлечения упущенной выгоды³⁴. Однако с практической точки зрения затруднительно представить доказательства того, что стороной организационного обязательства были предприняты меры и совершены приготовления для получения упущенной выгоды, поскольку прямой имущественной выгоды сторона организационного обязательства при его исполнении не получает.

Целесообразным и практически применимым способом защиты сторон организующего договора и организационного обязательства от имущественных потерь в связи с его неисполнением считаем договорную неустойку (ст. 330, 331 ГК РФ). В п. 60—68 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» не содержится ограничений по применению неустойки в качестве меры ответственности за неисполнение орга-

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7, п. 3.

низационного обязательства. В то же время сторонам придется использовать неустойку в форме штрафа (п. 1 ст. 330 ГК РФ), поскольку рассчитать размер пени при неисполнении неденежного, неимущественного обязательства не представляется возможным.

Подводя итоги рассмотрения проблем определения и толкования организационной ответственности, необходимо отметить следующее. Организационная ответственность является самостоятельным видом гражданско-правовой ответственности, поскольку имеет самостоятельные основания применения организационных мер ответственности. Таким основанием выступает нарушение организационных прав, под которыми понимаются права на совершение организационных действий. Используя критерий основания применения санкции,

к организационным санкциям возможно отнести: понуждение к совершению организационного действия, взыскание неустойки, возмещение убытков. Понятия «преддоговорная ответственность» и «организационная ответственность» не тождественны. Общими для данных категорий являются случаи нарушения организационного договора и применения соответствующих организационных (преддоговорных) мер ответственности. Особенности правовой природы организующего договора и, соответственно, организационного обязательства предопределяют специфику применения мер ответственности, поскольку возмещение убытков, взыскание неустойки могут быть использованы для возмещения потерь при неисполнении организационного обязательства только в ограниченном объеме.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александрова С. Н.* Предварительный договор аренды будущей недвижимости как организационное обязательство // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2011. — № 5.
2. *Бекленищева И. В.* Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. — М., 2006.
3. *Богданов Д. Е.* Развитие института преддоговорной ответственности в гражданском праве России // *Законодательство и экономика.* — 2011. — № 4.
4. *Витрянский В. В.* Реформа части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // *Арбитражные споры.* — 2016. — № 1.
5. *Демкина А. В.* О преддоговорной ответственности в гражданском праве // *Гражданское право.* — 2016. — № 1.
6. *Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития / под общ. ред. Л. Ю. Василевской.* — М., 2016.
7. *Кархалев Д. Н.* Способы защиты организационных гражданских прав // *Юридический мир.* — 2016. — № 1.
8. *Кияшко В. А.* Правовые последствия признания договора незаключенным (сделки несостоявшейся) // *Право и экономика.* — 2003. — № 9.
9. *Клейн Н. И.* Организация договорно-хозяйственных связей. — М., 1976.
10. *Кучер А. Н.* Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. — М., 2005.
11. *Мягих А. И.* Договорные санкции в гражданском праве // *Гражданское право.* — 2009. — № 1.
12. *Овчинникова К. Д.* Преддоговорная ответственность // *Законодательство.* — 2004. — № 3.
13. *Сергеев А., Терещенко Т.* Преддоговорная ответственность: основания для защиты интересов стороны, пострадавшей от недобросовестного ведения переговоров // *Корпоративный юрист.* — 2010. — № 11.
14. *Садиков О. Н.* Недействительные и несостоявшиеся сделки // *Юридический мир.* — 2000. — № 6.
15. *Хвощинский А.* В поисках договора о переговорах // *Бизнес-адвокат.* — 2000. — № 1.
16. *Яковлев В. Ф.* Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. — Кн. 1. — М., 2012.
17. *Chandler A., Brown I.* Law of Contract. Questions and Answers. — Hampshire, 2013.
18. *McKendrick E.* Contract law. — N. Y., 2013.
19. *O'Sullivan J., Hilliard J.* The Law of Contract. — N. Y., 2008.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2107 г.

ORGANIZATIONAL LIABILITY: PROBLEMS OF DEFINITION AND INTERPRETATION

PODUZOVA Ekaterina Borisovna — PhD in Law, Associate Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ekaterinacivil@gmail.com

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *On the basis of relevant civil legislation and law enforcement practice on liability and its measures, the author depicts some problems of definition and interpretation of organizational responsibility, and offers her own approaches to their solution. The author systematizes and analyzes various concepts of organizational sanctions, institutional ways to protect civil rights, as well as the pre-contractual liability. Special attention is given to those concepts that are essential for law enforcement. The author marks constitutional features of organizational liability, organizing contract and organizational obligations. On the basis of these features the author offers her own approach to qualification and application of organizational sanctions. The author defines such a way of civil rights protection as damages in light of the identification of organizational and economic sanctions and explores organizational and legal nature of pre-contractual liability. The article shows the author's approach to the definition of the legal nature of each of these types of civil liability. The attention is given to the differences between such concepts as "organizational liability" and "pre-contractual liability". At the same time the common features of these categories are highlighted. The article discusses the problems of organizational sanctions (inducement to commit organizing actions, damages, recovery of a penalty) in the light of the civil law reform. Special emphasis is placed on the problems of identification and proof of the grounds of the application of measures of organizational liability. The author explores the issue of damages within the pre-contractual and organizational liability. Special attention is given to the practical difficulties of proving the size of actual damages and lost profits for the failure to perform an organizing contract and breach of organizational obligation.*

Keywords: *organizational liability, organizational action, right, content of relationships, sanction, liability, losses, pre-contractual liability, forced execution, damages.*

BIBLIOGRAPHY

1. Alexandrova, S. N. Preliminary Lease of the Future Real Estate as an Organizational Commitment // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2011. No. 5.
2. Beklenishheva, I. V. Civil Law Contract: Classical Tradition and Modern trends. — M., 2006.
3. Bogdanov, D. E. The Development of Pre-Contractual Liability in Civil Law of Russia // Legislation and Economics. — 2011. — № 4.
4. Vitryanskiy, V. V. The Reform of the First Part of the Civil Code of the Russian Federation // Arbitration Disputes. — 2016. — № 1.
5. Demkina, A. V. On Pre-Contractual Liability in Civil Law // Civil Law. — 2016. — № 1.
6. Russian Contract Law: Reform, Problems and Trends of its Development / L.Yu. Vasilevskaya (ed.). — M., 2016.
7. Karkhalev, D. N. Institutional Ways of Protecting Civil Rights // Legal World. — 2016. — № 1.
8. Kiyashko, V. A. Legal Effects of Recognition of a Contract as Failed (the Transaction as Cancelled) // Law and Economics. — 2003. — № 9.
9. Klein, N. I. Organization of Contract Relationship. -M., 1976.
10. Kucher, A. N. Theory and Practice of the Pre-Contractual Phase: Legal Aspect. -M., 2005.
11. Myagkikh, A. I. On Pre-Contractual Sanctions in Civil Law // Civil Law.— 2009. — № 1.
12. Ovchinnikova, K.D. Pre-Contractual Liability // Legislation. — 2004. — № 3.
13. Sergeev, A., Tereshchenko, T. Pre-contractual liability: Grounds for the Protection of Interests of the Parties Affected by Unfair Bargaining //Corporate Lawyer. — 2010. — No. 11.
14. Sadikov, O. N. Invalid and Failed Transactions // Legal World. — 2000. — № 6.
15. Khvoshchinski, A. In Search of a Contract on Negotiations // Business Lawyer. — 2000. — № 1.
16. Yakovlev, V. F. Selected Works. Vol. 2 Civil Law: History and Modern Times. Vol. 1. — M., 2012.
17. Chandler A., Brown I. Law of Contract. Questions and Answers. — Hampshire, 2013.
18. McKendrick E. Contract law. — N. Y., 2013.
19. O'Sullivan J., Hilliard J. The Law of Contract. — N. Y., 2008.